

Левон Геворгян

Ассистент кафедры европейского и международного права ЕГУ, к.ю.н.

ВОПРОС УНАСЛЕДОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ СССР В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Одной из основных, или скорее, главной проблемой современных территориальных конфликтов является вопрос применения принципа *uti possidetis juris* в неколониальном контексте. Значительное количество конфликтов, возникших в результате распада Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославия, строится вокруг вопроса применения или неприменения данного принципа.

Доктрина *uti possidetis ita possidetis* (от лат. – как владеешь, так и владей) берет свое начало в римском праве периода Республики и применялась в спорах о собственности на землю. Согласно данному принципу, при возникновении спора между двумя или более индивидуумами, касательно земельной собственности, фактическому владельцу даровалось право временного владения, которое сохранялось до момента разрешения данного спора¹. Принцип также возлагал на фактического владельца бремя доказывания правомерности своего владения.

В международных правоотношениях принцип *uti possidetis* был впервые применен в процессе деколонизации Латинской Америки. Так, в период принятия деклараций независимости латиноамериканскими государствами в начале XIX века, учитывая продолжение вооруженных конфликтов с метрополиями, было решено сохранить в регионе территориальный *status quo*, до наступления более удобного момента для разрешения вопросов о линиях делимитации². В дальнейшем было решено увековечить данный *status quo* при помощи фиксирования унаследован-

¹ Ratner S. Drawing a Better Line: *Uti Possidetis* and the Borders of New States // American Journal of International Law. Vol. 90 (1996). P. 593.

² Lalond S. Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of *Uti Possidetis*. McGill Queen's University Press, Montreal & Kingston-London-Ithaca, 2002. P. 28.

ных от метрополий границ на основе принципа *uti possidetis juris*¹. Применение принципа имело также целью избежать возможных попыток Испании и Португалии квалифицировать некоторые территории Южной Америки *terra nullius*². Но даже в латиноамериканском контексте принцип *uti possidetis* не был абсолютным: он не применялся в случаях изменения границ территорий, контролируемых новыми государствами, когда эти изменения происходили в результате военных действий революционных сил и когда государства сами прибегали к войне между собой для приобретения новых земель³.

Этому примеру, на основе всестороннего согласия, последовали также и новые независимые африканские государства. Резолюция, принятая на первой сессии Ассамблеи глав государств Организации африканского единства, гласила, что все члены Союза обязываются уважать границы, существовавшие в момент приобретения ими независимости⁴.

Все вышесказанное – это примеры применения *uti possidetis* в процессе деколонизации. Отправным пунктом развития идеи универсальности принципа *uti possidetis* стало создание Европейскими сообществами так называемой Арбитражной комиссии, которая должна была наблюдать и проводить мониторинг процесса создания новых республик на территории бывшей Югославии. Данная комиссия, состоящая из президентов конституционных судов Франции, Испании, Италии, Германии и Бельгии, в литературе часто именуется Комиссией Бадинтер, по имени ее президента. Ей принадлежит утверждение об универсальности принципа *uti possidetis* и о его применении и в ситуациях распада современных государств⁵. Эта идея впоследствии стала часто злоупотребляться

¹ Еще в момент деколонизации Латинской Америки между этими государствами существовало разногласие; так, например, согласно позиции Бразилии границы должны были быть решены на основе принципа *uti possidetis de facto*, который бы принял во внимание фактическое разграничение сфер влияний между государствами в момент приобретения независимости, а не делимитацию внутренних границ предшествующих колоний.

² Ratner S. Op. cit. P. 594.

³ Lalond S. Op. cit. P. 36-41.

⁴ Border Disputes among African States, AHG/Res. 16(1) (1964), para. 2.

⁵ Conference on Yugoslavia Arbitration Commission: Opinions on Questions Arising from the Dissolution of Yugoslavia, Opinion No. 3 // International Legal Materials. Vol. 31 (1992). P. 1500.

многими государствами¹ и нашла также поддержку со стороны многих представителей доктрины международного права².

В своей аргументации Комиссия Бадинтер сослалась на решение Международного Суда ООН по делу о «*Споре о границе*» между Буркина-Фасо и Республикой Мали, в котором Суд, обсуждая принцип *uti possidetis*, отметил: «[Д]анный принцип не является специальной нормой, которая принадлежит только одной системе международного права. Он является всеобщим принципом, который логически связан с феноменом приобретения независимости, где бы это не имело место. Его очевидная цель – защитить независимость и стабильность новых государств от угрозы братоубийственных войн»³.

Это утверждение Суда стало основой для аргументации Комиссии, которая впоследствии часто цитировалась и легла в основу доктрины об универсальности принципа *uti possidetis juris* и о его обязательном применении также в контексте распада государств (например, СССР и Югославии).

Но внимательный анализ суждений Международного Суда ООН правовых притязаний Комиссии Бадинтер не подтверждает: Международный Суд вовсе не пытался расширить применение принципа вне колониального контекста⁴. Во-первых, дело было предоставлено юрисдикции Международного Суда на основе специального соглашения (*compromis*) между Буркина-Фасо и Республикой Мали, в котором стороны сами договорились о том, что спор должен быть решен на основе «принципа нерушимости границ унаследованных от колонизации»⁵. Во-

¹ См., например: Письмо Постоянного представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 26 декабря 2008 года на имя Генерального секретаря, Док. I I I A/63/664-S/2008/823, 29 декабря 2008 года, параграфы 80-96.

² См., например: Shaw M. N. *The Heritage of States: The Principle of *ti Possidetis Juris* Today* // *British Year Book of International Law*. Vol. 67 (1996). P. 97; Krüger H. *The Nagorno-Karabakh Conflict: A Legal Analysis*. Springer, Heiderlberd-Dordrecht-London-New York, 2010. P. 42-44; Cassese A. *Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal*. Cambridge University Press, 1995. P. 257-273.

³ *Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali)*, ICJ Reports 554 (1986). P. 565, para. 20.

⁴ Для подробного анализа ошибочности логики Комиссии Бадинтер см.: *Musgrave T. D. Self-Determination and National Minorities*. Clarendon Press, Oxford, 1997. P. 234.

⁵ ICJ Reports 554 (1986). P. 565, para. 20.

вторых, фразой «данный принцип не является специальной нормой международного права, которая принадлежит только одной ее системе», Суд не имел в виду систему норм регулирующих деколонизацию в целом, а проводил сравнительный анализ деколонизации в Латинской Америке и в Африке, и, следовательно, Суд желал подчеркнуть, что принцип *uti possidetis* применяется в случаях деколонизации независимо от региона. Так, перед часто цитируемым отрывком, Суд в первую очередь отметил: «Хотя, в контексте настоящего дела, нет нужды доказывать, что [*uti possidetis*] является четко установленным принципом международного права в случаях деколонизации, Палата, все же, желает подчеркнуть его общие черты, принимая во внимание его особое значение для африканского континента и для обеих Сторон. С этой точки зрения нужно отметить, что принцип *uti possidetis* впервые был использован в Испанской Америке, так как это был первый континент, ставший свидетелем, феномена деколонизации, включавшего создание ряда суверенных государств на территории, ранее принадлежавшей одному государству-метрополии»¹.

И только после этого Суд отметил, что «данный принцип не является специальной нормой, которая принадлежит только одной системе международного права». Взятые в контексте, слова Международного Суда совершенно ясны – принцип *uti possidetis* не является нормой регионального международного права, как например право на дипломатическое убежище², а нормой общего международного права и, следовательно, применим в контексте деколонизации «где бы оно не имело место». Взятые вне контекста, данные слова создают впечатление об универсальности принципа не только с региональной, но и историческо-контекстуальной точки зрения. Следовательно, Комиссия отделив *dictum* Суда от контекста, подвергла его совершенно необоснованной интерпретации.

Комиссия Бадинтер также заявила: «Международное право, в своем нынешнем состоянии не устанавливает всех юридических последствий, вытекающих из права народов на самоопределение. Все же, твердо уста-

¹ Ibid.

² См.: *Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law. 7th revised ed., Routledge, London-New York 1997. P. 2-3.*

новлено, что во всех случаях право на самоопределение не должно допускать изменений границ, установленных с момента независимости, кроме случаев, когда вовлеченные государства договариваются об обратном»¹.

С этим достаточно странным заявлением о существовании права, чьи границы никому не известны, трудно согласиться. Международное право не действует таким образом: правоотношения или регулируются, или же существует ситуация *non liquet*, в условиях которой, сторонам дана полная свобода действия. Следовательно, даже если мы и предположим, что международное право действительно не устанавливает последствий права народов на самоопределение, то, тем не менее, вывод Комиссии лишен международно-правовой логики.

Что же касается заявления о том, что *uti possidetis* применяется во всех тех случаях, когда вовлеченные государства не договариваются об обратном, то международная практика этого не подтверждает. Так, после Латинской Америки *uti possidetis* стал применяться в Африке, в первую очередь не как правовой, а как политический принцип, принятый Организацией африканского единства². Следовательно, *uti possidetis* был применен на основе договоренности вовлеченных сторон, а не наоборот. Прагматичная политика африканских лидеров того периода требовала сохранения территориальных делений, навязанных европейскими колонистами, ради общего блага и концентрации сил и средств на решение общеафриканских задач³. Но это абсолютно не мешало африканским государствам квалифицировать навязанные Европой границы как «несправедливые». Так, во время Конгресса всех африканских народов в Аккре в 1958 году, колониальные деления были названы «искусственными границами, проведенными империалистическими державами с целью разделения народов Африки»⁴. Следовательно, в Африке *uti possidetis* был

¹ Conference on Yugoslavia Arbitration Commission: Opinions on Questions Arising from the Dissolution of Yugoslavia, Opinion No. 2, International Legal Materials. Vol. 31 (1992), P. 1498, para. 1.

² McWhinney E. Self-Determination of Peoples and Plural-Ethnic States: Secession and State Succession and the Alternative, Federal Option // Recueil des Cours. Vol. 294 (2002). P. 231.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

ничем иным, как политическим принципом, применяемым с согласия всех заинтересованных сторон.

Некомпетентность Комиссии, с точки зрения международного права, становится гораздо более очевидным в следующем параграфе решения, где Комиссия путает содержание права на самоопределение с правом меньшинств, и утверждает, ссылаясь на статью 1 Международных пактов 1966 года, что «в силу [права народов на самоопределение], каждый индивидуум имеет право выбирать свою принадлежность к любому этническому, религиозному или языковому сообществу на основе собственного желания».

Кроме странности утверждения о свободе выбора принадлежности к той или иной этнической группе, Комиссия также выделяется своим незнанием положений *Международного пакта о гражданских и политических правах*, который затрагивает вопросы самоопределения и прав меньшинств в двух отдельных статьях¹. О четком разграничении двух прав свидетельствует также практика Международного комитета по правам человека, который никогда не рассматривает коллективные права представителей этнических и других меньшинств в контексте статьи 1 *Международного пакта*². Также уникальна и ничем не обоснована квалификация права на самоопределение в качестве индивидуального, а не коллективного права («каждый индивидуум имеет право выбирать»)³. Еще одной очевидной ошибкой Комиссии является утверждение об императивном характере прав меньшинств⁴, которое не подтверждается ни конвенциями о правах человека, ни практикой государств, ни комментариями и решениями Комитета по правам человека.

Все же, несмотря на весьма необоснованную позицию Комиссии Бадинтер, очевидно, что принцип стабильности имеет огромное значение в международном праве, особенно это касается территориальных

¹ UNTS, Vol. 999, P. 302, 16 декабря 1966 года, статьи 1 and 27.

² См., *î à ì ð è ì à ð: Sandra Lovelace v. Canada*, Communication No. R.6/24, *Ā î ê. Î Î Í Supp. No. 40 (A/36/40)*, at 166 (1981), at para. 7.2; *Ivan Kitok v. Sweden*, Communication No. 197/1985, CCPR/C/33/D/197/1985 (1988), at para. 6.3.

³ *Ñ ì .: Pomerance M.* The Badinter Commission: The Use and Misuse of the International Court of Justice's Jurisprudence // *Michigan Journal of International Law*. Vol. 20 (1998). P. 52.

⁴ *Ibid.*

жить основой для титула над приобретенной территорией¹; а непризнанное международным правом дарование своего гражданства населению других государств – основой для их дипломатической защиты².

В консультативном заключении по делу о «*Юридических последствиях для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии (Юго-западной Африке), вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности*», Международный Суд ООН отметил: «Один из фундаментальных принципов, регулирующих установившиеся международные отношения гласит, что сторона, отрекающаяся или не выполняющая своих собственных обязательств, не может быть признана сохраняющей права, которые, как она утверждает исходят из данных отношений»³. В данном деле Суд пришел к выводу, что Южная Африка не могла пользоваться правами и привилегиями, исходящими из мандатной системы, из-за собственных действий направленных на уничтожение объекта и цели мандата в Намибии⁴.

В консультативном заключении о «*Соответствии одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права*», Суд, обсуждая вопрос правомерности деклараций независимости, постановил, что во всех тех случаях, когда СБ ООН провозглашал неправомерным ту или иную декларацию независимости, их неправомерность «вытекала ... из того факта, что они были или были бы связаны с незаконным применением силы либо иными вопиющими нарушениями норм общего международного права, в частности норм императивного

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, Резолюция ГА ООН 2625 (XXV), Док. ООН A/8082, 24 октября 1970 года («Территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными»); для практики применения данного запрета органами ООН см.: *Brownlie I. International Law at the Fiftieth Anniversary of the United Nations: General Course on Public International Law // Recueil des Cours. Vol. 255 (1995). P. 197-198.*

² См., например: *Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala)*, ICJ Reports 4 (1995).

³ *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding the Security Council Resolution 276 (1970)*, Advisory Opinion, ICJ Reports 16 (1971), P. 46, para. 91.

⁴ *Ibid.* P. 47, para. 95.

характера»¹. Следовательно, согласно логике Суда, в случаях с Южной Родезией, Республикой Сербской и Турецкой Республикой Кипр имели место нарушения международного права, которые *ipso facto* делали неправомерными соответствующие декларации независимости вышеуказанными субъектами. Данное изречение полностью соответствует логике обсуждаемого нами принципа *ex injuria*.

Хотя принцип *ex injuria non oritur jus* не абсолютен и подвержен определенным ограничениям, все же он может играть важную роль в разрешении некоторых противоречивых вопросов с применением *uti possidetis* вне колониального контекста.

Запрет применения силы или угрозы силой является одной из центральных фундаментальных норм современного международного права². Данный запрет закреплен в статье 2(4) Устава ООН и укоренился также в обычном международном праве³. Запрет агрессивной войны, как самой радикальной формы применения силы, имеющей целью территориальные завоевания, является также императивной нормой международного права⁴ и создает обязательства для всего международного сообщества (*obligatio erga omnes*)⁵. В силу применения принципа *ex injuria non oritur jus* современное международное право, как уже отмечалось, также запрещает территориальные приобретения в результате угрозы силой или

¹ *Accordance with International Law of Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo*, ICJ General List 141 (2010), para. 81 (далее: *Kosovo*).

² *Brierly J. L.* The Law of Nations: An Introduction to the International Law of Peace. Ed. by *Waldock H.*, Clarendon Press, Oxford 1963, 6th ed. P. 414; *Henkin L.* International Law: Politics, Values and Functions. Martinus Nijhoff, Dordrecht-Boston 1990. P. 146.

³ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA)*, ICJ Reports 14 (1986), P. 94, para. 176.

⁴ См., например: Текст проектов статей об ответственность государств за международно-противоправные деяния с комментариями к ним, доклад Комиссии международного права, пятьдесят третья сессия (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 года). Док. ООН A/56/10 (Дополнение № 10) (2001). С. 209 («В число тех императивных норм, которые были ясно приняты и признаны, входят запреты, касающиеся агрессии, геноцида, рабства, расовой дискриминации, преступлений против человечности и пыток, а также право на самоопределение»); *Hannikainen L.* Peremptory Norms (*Jus Cogens*) in International Law. Lakimieslito Kustannus, Finish Lawyers' Publishing Company, 1988. P. 323-334.

⁵ *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)*, Second Phase, ICJ Reports 3 (1970), P. 32, para. 34.

ее применения, а также запрещает третьим государствам признавать такие приобретения законными¹.

Данная концепция в западной литературе часто именуется «доктриной Стимсона», по имени Президента США, который дипломатической нотой 7 ноября 1932 года, адресованной правительствам Японии и Китая заявил, что правительство США «не намеревается признавать какую-либо ситуацию, договор или соглашение, которые вызваны средствами, идущими в разрез с договоренностями и обязательствами Парижского пакта ...»².

Так, международное сообщество было единогласным в своем положительном отношении к восстановлению независимости Эстонии, Литвы и Латвии³, которые потеряли ее в результате аннексии этих стран со стороны СССР, имевшей место после подписания *Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении* между Германией и Советским Союзом (Пакт Молотова-Риббентропа), который делил Восточную Европу на сферы влияния⁴.

¹ См.: *Декларация о принципах международного права; Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях*, Резолюция ГА ООН 42/22, Док. ООН A/RES/42/22, 18 ноября 1987 года, параграф 8 («Ни приобретение территории в результате угрозы силой или ее применения, ни какая бы то ни было оккупация территории в результате угрозы силой или ее применения в нарушение международного права не будет признаваться в качестве законного приобретения»).

² См.: *Brownlie I. International Law and the Use of Force by States*. Clarendon Press, Oxford, 1963. P. 412.

³ См.: *Eastwood L. S. Jr. Secession: State Practice and International Law after the Dissolution of the Soviet Union and Yugoslavia // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 3 (1993). P. 316.*

⁴ *Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакт Молотова-Риббентропа)*, 23 августа 1939 года, гласил, что «сторон[ы] обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату: ... В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств, северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР...», см.:

http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0025_pak&object=facsimile&pimage=6&v=100&nav=&l=de.

В момент советской аннексии прибалтийские республики были устоявшимися государствами: после окончания Первой мировой войны их независимость была признана РСФСР¹, они были также приняты в состав Лиги Наций². Но в 1940 году, под угрозой применения силы со стороны СССР, они были вынуждены организовать парламентские выборы, в которых участвовали только просоветские кандидаты. Новоизбранные парламенты впоследствии проголосовали за присоединение республик к Советскому Союзу.

Большая часть западных государств отказалась признать прибалтийские республики частью Советского Союза³. Следует отметить также заявление Председателя Совета Безопасности сделанное в день принятия республик в состав ООН. В заявлении говорилось не о «приобретении» независимости, а о ее «восстановлении», которое квалифицировалось как «прогресс в области уважения принципов Устава Организации Объединенных Наций, а также материализацией его целей»⁴.

Очевидно, что если международное право не признает приобретение территорий путем применения силы, то оно не признает и изменений внутренних административных границ проведенных государством завоевателем, так как весь последующий режим является *ipso facto* незаконным. Следовательно, в аналогичных ситуациях применение принципа *uti possidetis juris* непозволительно, так как в таком случае оно бы противоречило императивной норме международного права – запрету применения силы.

Так, прибалтийские республики после восстановления своей независимости не признали себя преемниками Советского Союза: они рассматривали период с 1940 года до восстановления независимости в качестве периода оккупации и, следовательно, не считали себя связанными договорными обязательствами СССР⁵, а также теми террито-

¹ Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal... P. 258.

² Crawford J. Creation of States in International Law. 2nd ed., Clarendon Press, Oxford 2006. P. 393.

³ Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal... P. 258-259.

⁴ Предварительный стенографический отчет о три тысячи седьмом заседании Совета Безопасности ООН, Док. III S/PV.3007, 12 сентября 1991 года, стр. 3.

⁵ Beemelmans H. State Succession in International Law: Remarks on Recent Theory and Statepraxis // Boston University International Law Journal. Vol. 15 (1997). P. 81-82, 86.

ными делениями и передвижениями границ, которые имели место в период «советской оккупации», и отвергли превращение административных делений в межгосударственные границы¹.

Данный подход созвучен также и с другим принципом международного права – *nemo dat quod non habet*, согласно которому государства могут передавать другим только те права, которыми они сами обладают². Следовательно, новое государство может унаследовать только то, что принадлежало предыдущему. И если у предыдущего государства не было титула над той или иной территорией, так как оно лишь осуществляло незаконный контроль над ней, то преемник данного государства не получает от метрополии ровным счетом ничего.

Но случай с прибалтийскими республиками является довольно очевидным с точки зрения международного права, так как уже после Первой мировой войны государства прибегнули к первым попыткам всеобъемлющего запрета войны, приняв *Устав Лиги Наций*³, *Всеобщий договор об отказе от войны в качестве средства национальной политики* (Пакт Бриана-Келлога)⁴, а также ряд региональных договоров, гласящих об отказе от войны и/или агрессии⁵.

Гораздо более проблематичным является вопрос применения силы в начале XX века. С этой точки зрения особый интерес представляют

¹ *Ratner S. Op. cit. P. 597.*

² *Island of Palmas (The Netherlands v. United State of America)*, UNRIIAA, Vol. 2, P. 829 (1928), P. 842.

³ *Covenant of the League of Nations*, 28 June 1919 // *League of Nations Official Journal*. Vol. 1 (1920), art. 10 (“[States parties] undertake to respect and preserve as against external aggression the integrity and existing political independence of all Members of the League”).

⁴ *General Treaty for Renunciation of War as an Instrument of National Policy*, UNTS, Vol. 94, P. 59, 27 August 1928 («[Стороны] убежденные, что наступил момент приступить к откровенному отказу от войны, как орудия национальной политики, дабы мирные и дружественные отношения, существующие ныне между их народами, могли сделаться постоянными, [и] уверенные, что всякие изменения в их взаимных отношениях должны изыскиваться лишь в мирных средствах и осуществляться закономерно и мирно... решили заключить Договор...»).

⁵ *Treaty of Mutual Guarantee between Germany, Belgium, France, Great Britain and Italy (Treaty of Locarno)*, LNTS, Vol. 54, P. 291, 16 October 1925, art. 2 («Германия и Бельгия, а также Германия и Франция, взаимно обязуются, что они ни в коем случае не нападут или вторгнутся или не прибегнут к войне друг против друга»); *Convention for the Definition of Aggression*, LNTS, Vol. 3391, P. 69, 3 July 1933.

смешанные территориальные споры стран Закавказья (нами используется термин «смешанный», так как данные споры имеют атрибуты как взаимных территориальных притязаний государств, так и элементы права на самоопределения в форме сепаратизма в качестве средства правовой защиты), где после их «завоевания» Красной армией имел место пересмотр границ органами коммунистической партии.

Так, очевидно, что до принятия *Всеобщего договора об отказе от войны в качестве средства национальной политики*, а также *Устава Лиги Наций* (который лишь устанавливал некоторые процессуальные ограничения и, следовательно, лишь играл функцию «замораживания» вооруженных конфликтов), договорного запрета применения силы в международных отношениях не существовало. Но согласно некоторым авторам обычный-правовой запрет агрессивной войны начал выкристаллизовываться уже после Первой мировой войны¹. Хотя данная позиция может быть довольно спорной, все же очевидно, что уже в начале XX века существовала некая форма разграничения дозволительного предела применения силы. Так, Лаутерпахт описывает правоотношения, касающиеся применения силы периода начала XX века следующими словами: *«До принятия Всеобщего договора об отказе от войны в качестве средства национальной политики, институт войны исполнял в международном праве две противоречащие друг другу функции. В условиях отсутствия международного органа принуждения, война служила средством самопомощи... Правовой и моральной авторитет данного восприятия войны, как правового инструмента, был таковым, что в большинстве случаев, когда на самом деле к войне прибегали для увеличения власти и владений государства за счет других, государства прибегавшие к ней, пытались оправдать применение силы, как меру, предпринятую для защиты собственных прав. Такое восприятие войны было тесно связано с разграничением между справедливой и несправедливой войнами, установившемся в период становления международного права, которое так никогда и не исчезло. Хотя, в то же самое время данное разграничение*

¹ См., например: Тункин Г. И. Теория международного права. Под общей редакцией Л. Н. Шестакова. Зерцало, Москва, 2000. С. 40; Brownlie I. *International Law and the Use of Force by States...* P. 51-54 (Браунли также утверждает, что еще до начала Первой мировой войны, в течении первого десятилетия 20-ого столетия «право войны» уже начало подвергаться эрозии: *ibid*, P. 19).

пренебрегалось использованием войны, в качестве признанного международно-правового инструмента для оспаривания и изменения прав... [В]ойна была признана правомерным методом приобретения государствами новых прав, независимо от объективных достоинств конкретных действий»¹.

Следовательно, существовало два возможных оправдания войны: войны, как средства защиты прав и войны, имеющей целью завоевания. В решении по делу о «Военных и военизированных действиях на территории и против Никарагуа» Международный Суд постановил: «В ситуациях, когда государство действует в манере *prima facie* несовместимой с признанной нормой, но защищает свои действия, ссылаясь на исключения и оправдания, содержащиеся в самой норме, то независимо от того, может ли поведение государства быть оправдано на этой основе, данная позиция государства подтверждает, а не ослабляет норму»². Конечно, это решение было принято гораздо позже, чем обсуждаемый период истории, все же его можно использовать в качестве принципа логического анализа.

Следовательно, если в какой-то момент, как отмечает сам Лаутерпахт, государства стали постоянно оправдывать свои военные действия, пытаясь квалифицировать их как меры самопомощи, а не как меры по приобретению новых прав, то можно говорить о постепенной кристаллизации запрета агрессивной войны и правила о ее допустимости только в качестве средства защиты прав.

Так, несмотря на то, что Первая мировая война имела целью перераспределение территорий и ресурсов между сверхдержавами Европы, она началась в форме репрессалии против Сербии со стороны Австро-Венгрии, после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево. Последующие развития событий все же показали, что настоящие намерения государств-участников вовсе не ограничивались репрессалиями против Сербии.

Тенденции запрета агрессивной войны были видны еще и до Первой мировой войны. Так, уже в 1890 году Международная конференция

¹ *Oppenheim L. International Law. Vol. II: Disputes, War and Neutrality / Ed. by Lauterpacht H. Longman, Green & Co., London 1952, 7th ed. P. 177-178.*

² ICJ Reports 14 (1986), para. 186.

американских государств в Вашингтоне приняла резолюцию, которая включала принцип, гласящий, что уступка территории, произошедшая в результате угрозы силы или в условиях участия вооруженных сил противника должна считаться недействительной¹.

Гагская *Конвенция (I) о мирном решении международных столкновений* провозгласила решимость государств «прилагать все свои усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных несогласий»² и «способствовать всеми силами мирному решению международных столкновений»³. Также Гагская *Конвенция (II) об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам* утвердила и провозгласила решимость государств «не прибегать к вооруженной силе для истребования договорных долгов, взыскиваемых Правительством одной страны с Правительства другой страны, как причитающихся ее подданным»⁴. В то же время данное обязательство имело четкое исключение: «[Э]то постановление не может иметь применения, когда Государство-должник отвергает или оставляет без ответа предложение о третейском разбирательстве или, в случае принятия такового, делает невозможным установление третейской записи или, после третейского разбирательства, уклоняется от исполнения постановленного решения»⁵. Данная формулировка четко указывает на тенденции ограничения использования силы только в качестве средства самопомощи, и о ее дозволенности только в случаях не доступности других средств защиты своих прав; будь то иначе, право на войну, в качестве средства завоеваний, допустило бы провозглашение войны без каких либо предварительных «формальностей» и попыток решения спора путем третейского разбирательства.

Еще одна конвенция, принятая на мирной конференции 1907 года и следующая той же логике, *Гагская Конвенция (III) об открытии военных действий*, гласила, что «военные действия ... не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму

¹ *Brownlie I. Principles of Public International Law...* P. 697-698.

² 18 октября 1907 года, статья 1, см.: <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=32048>.

³ Там же. Преамбула.

⁴ 18 октября 1907 года, статья 1, см.: <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=32049>.

⁵ Там же.

ультиматума с условным объявлением войны»¹. Сам факт, что объявление войны должно было быть мотивированным, а начатие войны – последствием невыполнения ультиматума, также является свидетельством ее применения в качестве инструмента самопомощи, а не инструмента завоевательных войн.

Нужно отметить, что Советская Россия, с первых дней своего существования, заявляла о неправомерности применения силы в международных отношениях. Так, например, в дипломатической ноте министру иностранных дел Франции 6 марта 1919 года Народный комиссариат внешних сношений РСФСР отметил следующее: «Мы не можем рассматривать наши отношения с Французским Правительством как имеющие под собой юридическую основу в то время, когда оно совершает на нас нападение и вторгается на нашу территорию, и, следовательно, не можем сообразовать наше поведение с договорами, существующими до агрессии Франции»².

Нужно отметить, что изречения государств о международно-правовых обязательствах часто используются международными судебными инстанциями против этих же государств в качестве доказательств принятия и взятия на себя данных обязательств³.

Следовательно, все это само собой делает неправомерным все те изменения внутренних административных границ, которые были проведены в период советской власти. Данный факт имеет огромное значение особенно для сегодняшних этнических конфликтов на территории Закавказья, в случае с которыми некоторые государства упорно настаивают

¹ Гаагская Конвенция (III) об открытии военных действий, 18 октября 1907 года, статья 1, см.: <http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=32050>.

² Лукашук И. И. Современное право международных договоров: Том II Действие международных договоров. Волтерс Клувер, Москва, 2006. С. 353. Как также справедливо подчеркивает Тункин, еще в Декрете о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. Советское государство заявило, что захватническая война является «величайшим преступлением против человечества». Тункин Г. И. Указ. соч. С. 40.

³ Подробно см.: Akehurst M. B. Custom as a Source of International Law // British Year Book of International Law. Vol. 47 (1974-1975). P. 2; см., также: Каламкарян Р. А. Юридические последствия правомерного поведения государств. Издательство «Наука», Москва, 1987 г. С. 13-14 (согласно Каламкаryanу юридически значимое поведение государств наравне с юридическими актами государств может вызывать соответствующие международно-правовые последствия).

вают на применении принципа *uti possidetis*, несмотря на нелегальность этих «международно-признанных» границ.

Принцип *ex injuria* конечно же не является абсолютным и подвержен определенным ограничениям в случае столкновения с другими принципами международного права. Основным таким принципом является принцип стабильности границ. Одним из первых международных судебных решений касающихся принципа стабильности является решение Постоянной палаты третейского суда по делу «Грисбадарна», в котором Палата постановила: «То, что положение вещей, которое существует и существовало на протяжении долгого времени должно подвергаться по возможности минимальным изменениям, является установленным принципом права народов»¹. Также в деле о «Восточной Гренландии» Постоянная палата международного правосудия решила вопрос титула над островом в пользу Дании из-за осуществляемого последней долговременного стабильного контроля над территорией острова².

Международный Суд ООН также множество раз ссылаясь на принцип стабильности в территориальных спорах. Так, в решении по делу о «Храме Преах Вихеар» Суд отметил: «Обычно, когда два государства устанавливают границу между собой, одной из основных целей является достижение стабильности и окончательности этой границы. Достичь данной цели будет невозможно, если установленная линия может в любой момент ... ставиться под сомнение, ... когда обнаруживается какая-либо неточность в устанавливающем договоре. Такой процесс мог бы продолжаться до бесконечности, и окончательность никогда не была бы достигнута до тех пор, пока остается возможность обнаружения ошибок. Такая далеко не стабильная граница была бы абсолютно ненадежной»³.

Также в решении по делу о «Территориальном споре» Международный Суд заявил, что с «момента согласования граница остается фик-

¹ *Grisbadarna (Norway v. Sweden)*, Permanent Court of Arbitration (unofficial translation) (1909), см.: <http://www.pca-cpa.org/upload/files/Grisbadarna%20award%20English%20edited.pdf>.

² *Legal Status of Eastern Greenland (Denmark v. Norway)*, PCIJ Series A/B, No. 53, 46 (1933), P. 54.

³ *Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand)*, ICJ Reports 4 (1962), P. 34; *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, ICJ Reports 2 (1978), P. 35-36, para. 85; *Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya) (Tunisia v. Libyan Arab Jamahiriya)*, ICJ Reports 18 (1982), P. 65-66., para. 84.

сированной, так как любой другой подход исказил бы фундаментальный принцип стабильности границ, значение которого множество раз было подчеркнуто Судом»¹.

Здесь конечно возникает вопрос; а с какого момента можно утверждать, что государства установили границу между собой или пришли к соглашению о месте ее прохождения? Совершенно очевидно, что в случае, когда государство подвергается аннексии, а ее границы впоследствии меняются по решению метрополии, оно не дает своего согласия на эти изменения, и, следовательно, в момент восстановления независимости ни о каком согласии об установленной границе не может быть и речи.

Однако ситуация может со временем измениться, если данное государство не будет в течение продолжительного времени оспаривать титул другой стороны (“*acquisitive prescription*”) при помощи дипломатических протестов или обращения в ту или иную международную инстанцию². Так, международные суды и трибуналы признают, что если одно государство неправомерно владеет территорией и совершенно очевидно подчеркивает свое намерение стать полноправным владельцем этой территории³, а ее истинный владелец в это время бездействует без каких-либо объективных причин⁴, то она лишается своего титула. Данный принцип тоже исходит из доктрины стабильности и, совершенно очевидно, ограничивает применение принципа *ex injuria non oritur jus* во времени.

В некоторых ситуациях может создаться *prima facie* впечатление, что несмотря на противоправность действий, они все же придают сторо-

¹ *Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)*, ICJ Reports 2 (1994), P. 38, para. 72.

² *Johnson D. H. N. Acquisitive Prescription in International Law // British Year Book of International Law. Vol. 27 (1950). P. 341-342; MacGibbon I. C. The Scope of Acquiescence in International Law // British Yearbook of International Law. Vol. 31 (1954).*

³ См., например: UNRIAA, Vol. 2, P. 829 (1928); PCIJ Series A/B, No. 53, 46 (1933), P. 54.

⁴ В некоторых ситуациях государство вынуждено бездействовать из таких соображений как внутренняя политическая нестабильность или очевидность возможных негативных последствий в случае дипломатического протеста. Например: *Chamizal (Mexico/United States of America)*, UNRIAA, Vol. 11, P. 309 (1911), P. 329.

не права и привилегии. Такое впечатление может возникнуть в ситуациях, когда право исходит не из самого противоправного действия, а из создаваемого им факта, или из других правоотношений, которые попросту существовали независимо от противоправного действия и/или формируются одновременно с ним.

Так, совершенно очевидно, что принцип *ex injuria* не распространяется на те случаи, когда из неправомерного действия исходит лишь возможность реализации права, тогда как само право имеет легитимную основу, не связанную с актом правонарушения.

Следовательно, также и в контексте обсуждаемого нами вопроса, контроль над территорией может быть установлен путем применения силы, которое будет, конечно же, нелегальным, но одновременно титул может исходить из каких либо сопутствующих факторов, или из факторов, имеющих место еще до применения силы¹.

Так, например, Вильнюс был признан частью Литвы еще в 1920 году на основе договора Сувакли между Польшей и Литвой², но сама территория была долгое время аннексирована Польшей. После подписания *Пакта Молотова-Риббентрона* в Вильнюс вторглись советские войска, которые впоследствии передали территорию Литве. Следовательно, город перешел под литовский контроль в результате неправомерного применения силы, но титул над территорией не исходил из факта применения силы советскими войсками, а из уже упомянутого договора Сувакли и, следовательно, принцип *ex injuria non oritur jus* не был приведен в действие.

¹ *Brownlie I. International Law at the Fiftieth Anniversary of the United Nations...* P. 198.

² *Agreement between the Republic of Lithuania and the Republic of Poland with Regard to the Establishment of a Provisional Modus Vivendi, Pending for a Definitive Settlement of Relations between the Two States*, LNTS, Vol. 221, P. 181, 7 October 1920.

Levon Gevorgyan
Chair of European and International Law, YSU
Candidate of Legal Sciences

**THE ISSUE OF INHERITANCE OF USSR'S ADMINISTRATIVE
BOUNDARIES UNDER INTERNATIONAL LAW**

The article challenges the applicability of the *uti possidetis* rule in the post-colonial context, concentrating specifically on the situation of post Soviet states. The author evaluates the application of the principle and its interrelation with the *ex injuria jus non oritur* (no rights stem from an illegal conduct) rule. Through an analysis of relevant state practice and conventions the author claims that even before the Briant-Kellogg Pact and the Covenant of the League of Nations, customary international law of the early 20th century prohibited wars of aggression, thus any territorial change acquired by means of the use of force was inherently and *injuria* (an illegal act). Based on this line of reasoning the author proposes the main idea of the article, that the administrative boundaries established during the Soviet rule cannot turn into the international boundaries of the new states that have emerged after the collapse of the Soviet Union, absent their mutual consent.